

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-52 + 82-941 + 27-23 + 82-97

Е. Н. Коледич

ОСОБЕННОСТИ ЦИТИРОВАНИЯ В СОЧИНЕНИИ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО «СОКРОВИЩЕ ДУХОВНОЕ, ОТ МИРА СОБИРАЕМОЕ»

Рассматриваются особенности цитирования в сочинении Тихона Задонского — духовного писателя XVIII в. Выявляются источники цитирования, способы оформления цитат в тексте, наиболее крупные функциональные группы цитат.

К л ю ч е в ы е с л о в а: духовная литература XVIII в.; источники цитирования; атрибутированные и неатрибутированные цитаты; функции цитат.

Сочинение Тихона Задонского является образцом духовного красноречия дидактической направленности. Автор создавал «Сокровище духовное» в период 1777—1779 гг., находясь на покое в Задонском Богородицком монастыре. К этому времени у духовных писателей России наблюдается стремление оживить богословие после вредного для него влияния «мертвящего духа киевской схоластики». Это последнее сочинение святителя, ставшее итоговым выражением его литературного и духовного опыта.

О литературных предпочтениях Тихона Задонского сообщают его современники и исследователи его творений.

В воспоминаниях келейника В. Чеботарева отмечается особая любовь к Псалтири. «Никуда и никогда не ходил и не ездил он без Псалтири, но всегда при себе имел оную за пазухою, ибо она была маленькая, а наконец он ее всю и наизусть читал; ею он и благословил меня. Дорогою, куда отъезжал, он всегда читал Псалтирь, а иногда и гласно пел и мне показывал либо какой текст объяснить» [Записки Чеботарева, с. 560]. В жизнеописании Тихона Задонского митрополит Евгений (Болховитинов) указывает: «Псалтирь он знал всю наизусть и читывал с прикладными молитвословиями как для монашеского

правила, так и для размышлений при всяком свободном времени» [Евгений (Болховитинов), с. 366].

О сердечном отношении Тихона Задонского к Книге пророка Исаии пишет протоиерей А. Лебедев: «Во время трапезы келейник всегда читал ему писания Ветхого Завета, преимущественно же Книгу пророка Исаии, которую особенно любил святитель. Иной раз велит читать какую-нибудь главу, а сам, положив ложку, начнет плакать» [Лебедев, с. 121–122].

Многими отмечается внимание Тихона Задонского к сочинениям Иоанна Златоуста. Келейник И. Ефимов вспоминал, что, будучи в Задонском Богородицком монастыре, святитель начал «упражняться в сочинении душеполезных для всего христианского общества трудов своих. При сочинении книг своих никаких, кроме Св. Библии и нескольких св. Златоуста, других отеческих книг у него не видно было» [Записки Ивана Ефимова, с. 577–578]. Митрополит Евгений (Болховитинов) в своем жизнеописании святителя Тихона особо отмечал влияние Иоанна Златоуста на творческую манеру писателя: «Вместо роздыха занимался он чтением Святых отцев, а наипаче Златоуста, который был самым любимейшим его учителем. Посему-то Златоустов дух и слог повсюду отзываются во всех сочинениях сего Пастыря» [Евгений (Болховитинов), с. 361]. Архиепископ Михаил (Чуб), рассматривая труд святителя «Об истинном христианстве», писал: «Любимым, наиболее часто цитируемым авторитетом для святого Тихона являлся здесь (как и в других сочинениях) единомышленник ему ревностный проповедник истины и любви святой Иоанн Златоуст» [Михаил (Чуб), с. 62]. Современный исследователь Павел Хондзинский указывает на отсутствие выписок из святых отцов в поздних творениях святителя, таких как «Келейные письма» и «Сокровище духовное», отмечая в последнем, как исключение, единственную цитату из блаженного Августина [Хондзинский, 2004а, с. 63].

В сочинении «Сокровище духовное, от мира собираемое» Тихон Задонский широко использует цитирование. Из ста пятидесяти семи богословских статей сочинения цитаты отсутствуют только в трех. Он цитирует Священное Писание, литургические тексты из Служебника, Октоиха, Триоди постной и Триоди цветной, Часослова, Требника, молитвослова, приводит по одной цитате из Иоанна Златоуста, блаженного Августина и Василия Великого. Многочисленность библейских цитат (около двух тысяч) не сопоставима с количеством цитат из других источников. Самой цитируемой является Псалтирь, а также Евангелие от Матфея, чаще других пророков Тихон Задонский любит цитировать пророка Исаию. Такая ситуация отражает и литературные предпочтения Тихона Задонского, и приверженность сочинения средневековой литературной традиции, в которой Псалтирь и Евангелия занимают центральное место в силу своей ведущей роли в богослужении. Прекрасное знание текста Священного Писания, глубокая погруженность в его мир, богомыслие святителя в период проживания на покое в Задонском Богородицком монастыре, по-видимому, и определили его преимущественное обращение к книгам Библии при цитировании в сочинениях позднего периода творчества. «...святитель Тихон приобрел самую твердую и несомненную уверенность в божествен-

ности Слова Божия, так что верил ему больше, чем своим собственным чувствам. “Священное Писание, — пишет он, — есть истинное Божие Слово, которое прельстить и солгать не может, как и Сам Бог. Ему верить должно больше, нежели своим чувствам и всему свету. Чувства наши и весь свет удобнее могут обмануть нас, нежели Священное Писание”. Потому он так любил упражняться в Слове Божиим, что Псалтирь и весь Новый Завет и некоторые места Ветхого Завета знал наизусть», — заключает протоиерей А. Лебедев, характеризуя задонский период жизни святителя [Лебедев, с. 229–230].

В тексте «Сокровища духовного» цитаты представлены всеми видами синтаксического членения — от словосочетаний до сложных предложений. Приводятся они как с указанием источника сообщения, так и без указания такового.

Широкую группу образуют не а т р и б у т и р о в а н н ы е небольшие фрагменты литургических и библейских текстов, органично вплетенные в речь святителя. Например, «О, когда бы человекъ увидель будущая благая, стремился бы къ нимъ не иначе какъ “елень на источники водные” (Пс. 41 : 2)!» [с. 51]¹. Известно, что «Сокровище духовное, от мира собираемое» писалось под диктовку келейником святителя Иваном Ефимовым, затем написанное проверялось Тихоном Задонским. «Кроме книги “О истинном Христианстве”, прочие писал он не своею рукою, а диктовал писцам и весьма быстро, по большей части в утренние часы пред позднюю обедню, а редко вечерами, которые употреблял он больше на чтение Священного Писания Нового Завета, житий Святых и некоторых Святых отцов», — пишет митрополит Евгений Болховитинов в своем жизнеописании святителя [Евгений (Болховитинов), с. 366]. Иван Ефимов вспоминал: «...слово столь иногда скоротечно из уст его проистекало, что я не успевал писать. А когда не столь Дух Святой в нем действовал, то от непространных его мыслей или от задумчивости отсылал он меня в свою келию, а сам, став на колена, а иногда крестообразно распростерт, молился со слезами Богу о ниспослании Вседействующаго. Призвав же паки меня, начнет говорить так пространно, что я не успевал иногда рукою водить перо» [Записки Ивана Ефимова, с. 573]. Тихон Задонский был образованнейшим человеком своего времени. Он хорошо знал Библию, переводную и оригинальную духовную литературу; будучи священнослужителем, совершал богослужения, находясь на покое в Задонском монастыре, часто пел на клиросе. Погруженность Тихона Задонского в богослужебную жизнь, в Священное Писание, духовную литературу способствовала формированию его манеры говорить и писать. Фрагменты библейских и литургических текстов, вплетенные в речь святителя, были, по-видимому, органичной частью его свободного, непосредственного выражения мыслей и чувств.

Однако самую большую группу образуют цитаты, представляющие собой отдельные самостоятельные предложения, приведенные без указания источника сообщения. Например, «Тако миръ сей не отъ себе, но отъ Создателя своего сотворень. “Той рече, и быша, Той повеле, и создашася” (Пс. 148 : 5)» [с. 1].

¹ Цитируется по изд.: [Тихон Задонский, свт.]; здесь и далее с указанием страницы по этому изданию в квадратных скобках.

Многочисленны а т р и б у т и р о в а н н ы е цитаты, которые вводятся в текст сочинения посредством вводных слов со значением источника сообщения или оформленные как прямая речь. Наиболее употребительными являются вводные слова, в которых источником сообщения выступает Священное Писание, несомненный авторитет в вопросах веры. Например: «...добрый христианинъ отъ Божия слова, небеснаго и добраго семене раждается, по Писанию: порождени не отъ семене истленна, но неистленна, словомъ живаго Бога и пребывающа во веки (1 Петр. 1 : 25)» [с. 119]. Когда цитата оформлена как прямая речь, преимущественно приводятся слова Иисуса Христа. Например, «“Овцы Моя гласа Моего слушаютъ”, глаголетъ Христос (Ин. 10 : 27)» [с. 36]. В этом находит отражение признанный христоцентризм сочинений Тихона Задонского. «Описание земного жития и страстей Спасителя занимает центральное и важнейшее место в книге. В него естественно вплетаются, из него вытекают все любимые мысли святителя, уже во многом знакомые нам по “Истинному христианству”, и прежде всего мысль о личном подвиге последования Христу. Здесь узел всего его богословия. Бог, мир, человек, общий смысл бытия и должность христианская к соседу — все уясняется во Христе и через Христа. Практический Христоцентризм — вот конечное слово святителя Тихона об истинном христианстве, с неопровержимой силой выраженное им именно в “Сокровище духовном” и ставшее конечным словом и его жития», — подчеркивает Хондзинский [Хондзинский, 2004б, с. 40—41]. Цитаты, оформленные в тексте как прямая речь, образуют вторую по численности группу цитат. Точно приводимая из Библии речь Божия, Иисуса Христа, реплики библейских персонажей оживляют библейский хронотоп в сознании читателя, приобщают его к живому миру христианской нравственности.

В «Сокровище духовном» неатрибутированные цитаты, безусловно, преобладают. Такое положение в определенной степени объясняется и характером адресата сочинения — христианина, погруженного в церковную жизнь, способного узнать «чужое» слово (даже в модифицированном писателем виде). «О человеце! помяни въ молитве твоей, что ты предъ Богомъ стоишь, Богу беседуешь, Богу говоришь: Господи, помилуй! Господи, ущедрь! Господи, услыши! Господи, спаси! и проч. И псалмы ли читаешь или песни церковныя поешь, Богу поешь, къ Богу простираешь речь твою: Ты, Господи! Тебе, Господи! и прочее» [с. 31]. «Называешися ты христианиномъ, знаменуешися крестомъ, ходишь въ церковь, покланяешися и молишися Богу, поеши — “аллилуиа”, и, что более всего того, приступаеши ко олтарю и причащаешися Животворящихъ Таинъ Христовыхъ, слушаеши и Слово Божие, и проч.: знаки то суть подлинно христианства; но когда обиды делать ближнему и грешить не перестаешь: берегись, чтобы, вместо христианина, врагомъ Христовымъ не быть» [с. 155].

Наблюдение над цитируемым материалом позволяет условно выделить в нем несколько больших функциональных групп. Самую многочисленную группу образуют цитаты, которые выполняют традиционную функцию подтверждения достоверности авторских высказываний и придания авторитетности его нравственным наставлениям. В большинстве случаев они представляют собой отдельные самостоятельные предложения, приведенные

без указания источника сообщения. Например: «...такое предъ Богомъ вездесущимъ и вся назирающимъ люди ходять, и что кто ни делаетъ, помышляетъ, зачинаетъ, намереваетъ, очи Господни видять. “Съ небесе призре Господь, виде вся сыны человеческия: отъ готоваго жилища Своего призре на вся живущия на земли: Создавый на едине сердца ихъ, разумевай на вся дела ихъ” (Пс. 32 : 13—15)» [с. 2]. Или: «...такое христианинъ, хотя и верно работаетъ Христу Господу, однакожъ долженъ себе признавать недостойнымъ. “Егда сотвори-те вся повеленная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехомъ сотворити, сотворихомъ” (Лк. 17 : 10)» [с. 11].

Писатель расширяет круг функций цитаты. Он использует ее и как прямое сообщение и наставление. Например: «“Онъ хочетъ всемъ спастися и въ разумъ истины приити” (1 Тим. 2 : 4); да будетъ таковое хотение и наше» [с. 378]. Или: «Горькое лекарство — плоти скорбь и печаль: но симъ душа болящая исцеляется. “Убо потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа” (Пс. 26:14)» [с. 5]. Цитата используется и как яркое изобразительно-выразительное средство, служащее полярной характеристике благочестивых и нечестивых, истинных и ложных христиан. Например: «...такое христиане суть простосердечны, “просты во злое, но мудры во благое” (Рим. 16 : 19)» [с. 36]. А также: «...христианину, говорю, такому, который въ беззаконныя дела вдается, законъ Божий безстрашно нарушать; такому приличествуетъ истинная притча: “песъ возвраща на свою блевотину, и свинья омывшись въ калъ тинный” (2 Петр. 2 : 22)» [с. 26].

Цитата служит и усилению эмоциональности повествования. В тексте сочинения многочисленны восклицания, обращенные к Богу или человеку. Например, «О любезная и сладкая беседа, которая бываетъ между величествомъ Божиимъ и подлымъ человекомъ, иже есть земля и пепель! “Господи! что есть человек, яко познался еси ему? или сынъ человекъ, яко вменяеши его?” (Пс. 143:3)» [с. 8]. Или: «...но люди иныи благодатию Его умягчаются и творять покаяние; иныи ожесточаются и погибають, какъ-то Фараонъ ожесточился и погибъ, — что и ныне въ мире делается. “О человече! или о богатстве благодати Его и кротости и долготерпении нерадиши, неведый, яко благодать Божия на покаяние тя ведетъ” (Рим. 2 : 4)» [с. 5].

Как и в средневековой славянской книжности, очевидным явлением в «Сокровище духовномъ» является комбинирование цитат. Часто в качестве авторитетной ссылки в рассуждениях автора приводится не одна цитата, а набор из двух и более. Например: «...но вера недостатокъ разума дополняетъ, и убеждаетъ его признавать то, что Богу, яко всемогущему, все возможно. “Яко не изнеможеть у Богу всякъ глаголь” (Лк. 1 : 37). “Верую разумеваемъ совершиться векомъ глаголомъ Божиимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти” (Евр. 11 : 3)» [с. 1]. Или: «Христианине! познай свою бедность и признай, и будеши благополученъ, яко будеши смиренъ. “Богъ гордымъ противится: смиреннымъ же даетъ благодать” (1 Петр. 5 : 5). “Всякъ возносяйся смирится: смиряяй же себе вознесется” (Лк. 18 : 14)» [с. 179]. По-видимому, это вызвано авторским стремлением углубить духовный смысл в поучительно-толковательных целях.

Известна особая любовь Тихона Задонского к составлению молитв. Для Тихона Задонского «слово Писания было и источником его молитвенной жизни. Если Сам Спаситель взывал к Отцу с креста словами Давидова псалма, то святитель и здесь следовал Ему. Известно, что он знал наизусть всю Псалтирь, бывшую одной из любимейших его книг, и стихи ее служили ему неисчерпаемым кладезем молитв. Из них он составлял на все случаи жизни краткие молитвы, которыми молился сам и учил молиться других», — подчеркивает Хондзинский [Хондзинский, 2004б, с. 28]. Многочисленные комбинированные из цитат молитвенные воззвания панегирического и просительного характера, произносимые автором или христианином (христианами), создают в «Сокровище духовном» сильную л и р и ч е с к у ю с т р у ю. Например, «О дивное согласие ангеловъ и человековъ, подобныхъ ангеламъ, поющихъ Господа, Создателя своего! “Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посети, и сотвори избавление людемъ Своимъ; и воздвиге рогъ спасения намъ въ дому Давида отрока Своего!” (Лк. 1 : 68—69). “Благослови, душе моя, Господа!” (Пс. 102 : 1—2). “Благословенъ еси Господи, Боже отецъ нашихъ, и препетый и превозносимый во вся веки; и благословенно имя славы Твоя святое, препетое и превозносимое во веки” (Дан. 3 : 52)» [с. 54]. Или завершение статьи 42-й «Человекъ въ ранахъ»: «Такъ насъ уязвилъ врагъ нашъ сатана, что безъ помощи Божией не ино что делаемъ, какъ только падаемъ и уязвляемся! — “Помяни насъ, Господи, во благоволении людей Твоихъ, посети насъ спасениемъ Твоимъ, видети во благодати избранныя Твоя, возвеселитися въ веселии языка Твоего, хвалитися съ достояниемъ Твоимъ. Согрешихомъ со отцы нашими, беззаконновахомъ, неправдовахомъ. Боже! ущедри ны и благослови ны; просвети лице Твое на ны, и помилуй ны — познати на земли путь Твой, во всехъ языцехъ спасение Твое» (Пс. 105 : 4—6; 66 : 2—3)» [с. 88].

Цитаты как прямое нравственное наставление, а также использованные для придания авторитетности авторским поучениям; цитаты-восклицания, обращенные к Богу и человеку; молитвенные воззвания из цитат панегирического и просительного характера — все эти разновидности цитат ярко демонстрируют две основные тональности «Сокровища духовного» — д и д а к т и ч е с к у ю и л и р и ч е с к у ю.

Записки Ивана Ефимова // Святитель Тихон Задонский : избр. тр., письма, материалы. М., 2004. С. 571—599.

Записки Чеботарева // Там же. С. 555—570.

Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-русской церкви. М., 1996.

Лебедев А., прот. Святитель Тихон Задонский, всея России чудотворец. Его жизнь, писания и прославление // Святитель Тихон Задонский. Собр. творений. Т. 1. 2-е изд., испр. М., 2008. С. 4—346.

Михаил (Чуб), архиеп. Учение святителя Тихона Задонского об истинном христианстве // Журн. Моск. патриархии. 1971. № 10. С. 60—75.

Тихон Задонский, свт. Творения. М., 1994. Репринт. изд. : Творения иже во святыхъ отца нашего Тихона Задонскаго. Изд. 5. М., 1889.

Хондзинский П., свящ. Два труда об истинном христианстве: святитель Тихон Задонский и Иоганн Арндт // Журн. Моск. патриархии, 2004а. № 2. С. 62–72.

Хондзинский П., свящ. Истинное христианство в житии и трудах святителя Тихона, епископа Задонского // Святитель Тихон Задонский : избр. тр., письма, материалы. М., 2004б. С. 10–48.

Статья поступила в редакцию 01.07.2011 г.

УДК 821.161.1.06 + 82.091 + 82-98 + 003.26

В. С. Малых

ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ГУМИЛЕВА

Выделяются мировоззренческие доминанты, через которые проходит эволюция пушкинского героя; анализируется преломление этих доминант в творчестве Николая Гумилева. Духовная эволюция лирического героя Гумилева, подобно эволюции героя лирики Пушкина, раскрывается как религиозно-философский поиск «последней свободы» поэта.

К л ю ч е в ы е с л о в а : творчество Н. Гумилева; духовная эволюция; православная традиция; мировоззренческая доминанта; рецепция; тайнопись.

Настоящее исследование представляет собой попытку осмысления пушкинской традиции в творчестве Николая Гумилева через сопоставление духовной эволюции лирических героев Гумилева и Пушкина. Отметим, что о пушкинской традиции чаще всего принято говорить или в применении к акмеизму в целом, или по отношению к творчеству О. Мандельштама и А. Ахматовой [см.: Мусатов]. Гумилевская же рецепция оказывается рассмотренной весьма поверхностно даже в Полном собрании сочинений поэта, где куда больше внимания уделено реминисценциям из Лермонтова и Надсона, а многие очевидные цитаты из Пушкина оказываются неотмеченными. Между тем влиянием Пушкина на Гумилева обусловлены не только формальные особенности ряда гумилевских текстов и определенный набор схожих тем, но и важные мировоззренческие установки, отразившиеся как в творчестве и теоретических построениях создателя акмеизма, так и в его духовных исканиях. Более того, мы решимся утверждать, что усваивание пушкинской традиции Мандельштамом и Ахматовой происходило во многом через посредство гумилевской рецепции.

Под духовной эволюцией нами понимается отражение в художественных произведениях эволюции взглядов автора на современные ему религиозные и философские идеи, а также сокровенная жизнь творческой личности. Как у Пушкина, так и у Гумилева мы встречаемся с особым рода преобразованием личной биографии автора в тексте, где возникает установка не на лирический дневник и не на создание отвлеченно-типического образа героя, а одухотворенная и преображенная в слове **биография автора**. Ставя во главу угла аспект духовности, мы неизбежно касаемся вопросов, связанных с русской